

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-744-753

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,

Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,

e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,

Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,

e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург

e-mail: mmimi1963@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ И ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ОТЛОЖЕННОЙ ВЕРИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Настоящая статья посвящена концептуальному обоснованию и детальной разработке специального правового режима уголовного судопроизводства в условиях чрезвычайных ситуаций. Целью исследования является формирование сбалансированной нормативной модели, минимизирующей риски правового нигилизма, устраняющей неопределенность в статусе спасателей и оптимизирующей временные ресурсы правоохранительных органов. В качестве главного результата исследования предложена авторская концепция дифференциации функций органов МЧС России и военной прокуратуры в зоне бедствия. Обосновано внедрение инновационного института «отложенной верификации доказательств», разделяющего процессуальный цикл на фазу экспресс-фиксации цифровыми средствами и фазу последующей правовой оценки. В рамках реализации принципа процессуальной экономии аргументирована необходимость оптимизации сроков задержания до 120 часов без судебного решения при условии экстренной эвакуации лица в безопасную зону. Сформулировано положение о «процессуальном иммунитете гуманитарных миссий», устанавливающее императивный запрет на изъятие техники и отвлечение спасателей во время проведения неотложных работ. Также разработан комплексный уголовно-процессуальный механизм защиты участников ликвидации чрезвычайных ситуаций от необоснованного преследования по статье 286 УК РФ за превышение полномочий в рамках правила «золотого часа». Проведенный анализ подкреплен системной интеграцией современных доктринальных подходов к технологизации процесса, разумности сроков и трансформации подсудности в условиях действия особых правовых режимов.

Ключевые слова: прокуратура, МЧС России, ЧПК РФ, чрезвычайная ситуация, процессуальная экономия, отложенная верификация, процессуальный иммунитет, доказательства, уголовное судопроизводство, превышение полномочий.

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

PETROV Artem Antonovich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure and Law Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

CRIMINAL PROCEDURAL EXCEPTIONS WITHIN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY AND THE SPECIAL PROCEDURE FOR DEFERRED EVIDENCE VERIFICATION

Annotation. *This article is devoted to the conceptual substantiation and detailed development of a special legal regime for criminal proceedings in emergency situations. The purpose of the study is to form a balanced regulatory model that minimizes the risks of legal nihilism, eliminates uncertainty regarding the status of rescue workers, and optimizes the time resources of law enforcement agencies. As the main result of the study, the author proposes a proprietary concept for differentiating the functions of the EMERCOM of Russia and the military prosecution service in a disaster zone. The introduction of an innovative institute of “deferred evidence verification” is substantiated, which divides the procedural cycle into a phase of express digital recording and a phase of subsequent legal assessment. Within the framework of implementing the principle of procedural economy, the study argues for the necessity of optimizing detention periods up to 120 hours without a court order, subject to the emergency evacuation of the individual to a safe zone. A provision on the “procedural immunity of humanitarian missions” is formulated, establishing an imperative ban on the seizure of equipment and the distraction of rescue workers during urgent operations. Furthermore, a comprehensive criminal procedural mechanism has been developed to protect emergency response participants from unjustified prosecution under Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation for abuse of power within the “golden hour” rule. The conducted analysis is supported by the systemic integration of modern doctrinal approaches to the technologization of the process, the reasonableness of timeframes, and the transformation of jurisdiction under special legal regimes.*

Key words: *prosecution service, EMERCOM of Russia, Extraordinary Procedural Code of the Russian Federation, emergency situation, procedural economy, deferred verification, procedural immunity, evidence, criminal proceedings, abuse of power.*

Введение

Существующий в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) дуализм между необходимостью безотлагательного проведения аварийно-спасательных работ и задачами по сохранению следов преступления эксплицирует острую проблему правовой неопределенности, нивелирующей юридическую защищенность сотрудников спасательных служб. В отсутствие четко регламентированного нормативного механизма, определяющего пределы допустимого изменения обстановки места происшествия ради спасения человеческих

жизней, назрела необходимость внедрения специального процессуального режима. В рамках реализации принципа процессуальной экономии данный режим должен предусматривать дифференциацию функций: пока подразделения МЧС осуществляют деблокирование и эвакуацию пострадавших, органы военной прокуратуры осуществляют оперативную экспресс-фиксацию доказательственной базы посредством непрерывной фото-, видеосъемки и лазерного сканирования, а также производят безотлагательное изъятие ключевых образцов для последующей экспертизы. Подобный

подход позволит нормативно закрепить институт «отложенной верификации доказательств», минимизировать риски утраты криминалистически значимой информации и создать надежные правовые гарантии для участников ликвидации последствий ЧС. Ординарный уголовно-процессуальный порядок, рассчитанный на стабильное функционирование государственных институтов, в условиях масштабных антропогенных, техногенных или природных катастроф объективно заходит в тупик, требуя решительного пересмотра базовых подходов к конструированию правовой ткани. Непредсказуемость кризисных процессов диктует необходимость формирования качественно новой доктринальной парадигмы, способной нормативно закрепить легитимные отступления от привычных регламентов правоохранительной деятельности. В связи с этим мы полагаем, что конструирование теоретической концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ) должно опираться на жесткий императивный фундамент. «Принцип процессуальной экономии выступает не просто рекомендацией, а базисным императивом для радикального, но законного упрощения всей правоохранительной и административной деятельности в условиях кризиса» [1, с. 139]. Данный тезис позволяет рассматривать процессуальную экономию не как ситуативное проявление правоприменительного усмотрения, а как фундаментальный методологический вектор построения экстраординарных режимов судопроизводства.

Теоретические основы и методы исследования

Базовым вектором выступает диалектический метод познания, позволивший исследовать уголовно-процессуальные исключения в их динамике и взаимосвязи с меняющимися внешними факторами социальной среды. Системно-структурный метод применен нами для анализа внутренней архитектуры предлагаемого специального процессуального режима и установления иерархических связей между его элементами, такими как прокурорский надзор, процессуальные сроки и правовой статус спасательных служб. Формально-юридический метод позволил детально смоделировать конкретные нормативные конструкции, определить четкие границы применения правовых ограничений и сформулировать дефиниции новых процессуальных институтов. Важное место в работе занимает метод правового моделирования, с помощью которого нами спроектированы две самостоятельные фазы института отложенной верификации и алгоритм

реализации процессуального иммунитета гуманитарных миссий. Это позволяет авторам обеспечить чистоту теоретического анализа перед переходом к конкретным содержательным блокам исследования.

Обоснование принципа процессуальной экономии

В экстраординарных условиях ЧС обусловлено критической дефицитностью временного ресурса, требующей тотального упрощения и незамедлительного характера всех проверочных и ограничительных процедур. Традиционный уголовно-процессуальный порядок в зоне бедствия объективно парализует правоприменение, в связи с чем процессуальная экономия должна выражаться в оптимизации временных интервалов и временном сужении пределов судебного контроля. В условиях ЧС срок задержания лица без судебного санкционирования целесообразно пролонгировать до 120 часов единожды, исключая промежуточную стадию продления данного срока судом, при одновременном сокращении срока составления протокола задержания до 1 часа с момента фактического лишения свободы передвижения, минуя стадию доставления в орган дознания. Вся система судебных мероприятий в эпицентре экстраординарной ситуации подлежит императивной отсрочке. При невозможности обеспечения безопасности задержанного и организации обычного уголовно-процессуального порядка в течение 5 суток, правовой механизм процессуальной экономии предусматривает его незамедлительную эвакуацию в безопасную зону, включая иные субъекты Российской Федерации. По прибытии в безопасное место и в пределах общего 120-часового срока реализуется судебный контроль: лицо либо освобождается под подписку о невыезде, либо, при невозможности применения мер, не связанных с изоляцией от общества, подвергается заключению под стражу по решению суда безопасной зоны или суда региона эвакуации. Необходимость внедрения столь радикально оптимизированных механизмов продиктована не субъективным желанием упростить государственное принуждение, а объективными законами функционирования сложных систем в условиях хаоса, где избыточные формальные процедуры ведут к гибели всей структуры правопорядка. «Основопологающим принципом функционирования Вселенной является принцип экономии (в значении оптимальной достаточности). Природе незначит тратить лишние ресурсы в ситуации, когда той же цели возможно добиться, приложив меньшее количество усилий» [2, с. 88]. С позиции доктрины уголовного процесса, данное философское умозаключение находит

прямое отражение в праве, где минимизация процессуальных издержек становится синонимом сохранения управляемости в зоне катастрофы. Каждое вводимое нами изъятие представляет собой не хаотичный отказ от формы, а выверенную и структурированную юридическую конструкцию, разграничивающую этапы собирания информации и ее последующего закрепления. «Каждая упрощенная процедура представляет собой сложносоставное образование, включающее в себя досудебную и судебную части» [3, с. 87]. В рамках ЧПК РФ эта сложносоставность выражается в жестком нормативном разделении досудебного сбора информации и последующего судебного санкционирования, вынесенного за пределы опасной зоны. Такое территориальное и процедурное смещение фокуса неизбежно требует трансформации традиционных институтов подсудности, поскольку суды в зоне бедствия физически не могут осуществлять свои функции, а затягивание вопросов ограничения свободы недопустимо. «Представляется необходимой детальная законодательная регламентация оснований и порядка изменения подсудности Верховным Судом РФ в случае невозможности осуществления судом правосудия на какой-либо территории, исключения из общих правил подсудности на определенный период некоторых категорий преступлений в пользу их рассмотрения военными судами, временное расширение в экстраординарных, но заранее определенных в уголовно-процессуальном законе случаях, персональной подсудности военных судов. Данные законодательные положения в условиях действия особых правовых режимов позволят как обеспечить реализацию публичного интереса в уголовном процессе, в том числе обязанность осуществления уголовного преследования, так и повысить гарантии доступа граждан к правосудию и справедливость судебного разбирательства, которые должен осуществлять суд, созданный на основании закона» [4, с. 348]. Прокомментируем данный подход: изменение подсудности и привлечение военных судов в рамках ЧПК РФ выступает важнейшим гарантом соблюдения прав граждан в тот момент, когда обычные судебные органы парализованы чрезвычайными обстоятельствами. В экстраординарных режимах правила поведения субъектов не могут ограничиваться рамками одной отрасли, поскольку они обеспечивают комплексную безопасность. «Можно сделать вывод, что в уголовно-правовых режимах правила поведения субъектов правоотношений могут содержаться как в самих уголовно-правовых нормах, так и в нормативных правовых актах иных отраслей права. Одним из важнейших аспектов функционирования

уголовно-правовых режимов реализации функций уголовного права является наличие режимных гарантий исполнения режимных правил, к которым относятся юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии функционирования уголовно-правовых режимов» [5, с. 122]. Этот вывод подчеркивает, что ЧПК РФ выступает комплексной организационно-юридической гарантией, объединяющей материальные и процессуальные аспекты деятельности в зоне ЧС.

Детальная регламентация «Института отложенной верификации»

В условиях экстраординарных правовых режимов предопределяет императивное разделение единого процессуального цикла на две самостоятельные фазы: фазу оперативного действия и фазу правовой оценки. В рамках первой фазы, разворачивающейся непосредственно в очаге чрезвычайной ситуации, полномочиями по безотлагательному сбору доказательственной базы наделяются военные прокуроры (при ведении контртеррористических операций) либо прокуроры органов общего надзора (в зонах ЧС, не сопряженных с непосредственной боевой угрозой). Исключение из данной стадии традиционных институтов (таких как участие понятых и защитников) компенсируется жесткими технико-технологическими требованиями: фиксация осуществляется исключительно посредством сертифицированных аппаратно-программных комплексов, исключающих возможность последующего монтажа или модификации метаданных, с обязательной автоматической трансляцией потокового аудио- и видеосигнала на удаленный защищенный сервер. Применение таких высокотехнологичных комплексов, однако, должно быть строго ограничено рамками фиксации объективной реальности и не превращаться в бездумную передачу мыслительных функций правоприменителя алгоритмическим системам. «Автоматизация всего лишь возможный, но вовсе не идеальный путь технологизации судопроизводства. Замена человека автоматом, роботом, фантастическим киборгом это удел мечтаний сферы материального производства. В свою очередь, производство по уголовному делу, пусть и называется «производством», но включает в себя и материальную, и нематериальную (неосязаемую) деятельность. Поэтому в силу своей двойственной материально-духовной природы уголовное судопроизводство не может приветствовать безраздельную автоматизацию» [6, с. 134]. Мы полностью солидарны с этой позицией: цифровые технологии в рамках первой фазы отложенной верификации служат лишь для беспристрастного консервирования

следов, в то время как интеллектуальная оценка и духовная составляющая правосудия остаются прерогативой человека. Внедрение цифровых инструментов фиксации обусловлено общеисторическим развитием уголовного процесса, стремящегося к технологизации. «Можно заключить, что электронные технологии, применяемые при расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде, должны прочно войти во все стадии уголовного судопроизводства Российской Федерации» [7, с. 132]. Этот тезис подтверждает, что использование лазерного сканирования и потоковой передачи данных в зоне ЧС является закономерным шагом цифровой трансформации следственной деятельности. Переход ко второй фазе — правовой оценке и процессуальному закреплению результатов — осуществляется под контролем прокурора района или вышестоящего прокурора, уполномоченного принимать ключевые решения в границах зоны ЧС. Механизм отложенной верификации носит характер углубленного последующего контроля и включает в себя обязательное проведение комплексных криминалистических экспертиз на предмет аутентичности записей, а также оценку материалов с участием технических специалистов и стороны защиты в безопасной зоне. Несмотря на объективное упрощение процедур первоначальной фиксации, предлагаемый проект ЧПК РФ сохраняет неизменным принцип законности: любое отступление от установленного специального порядка влечет за собой признание полученных сведений недопустимыми доказательствами в соответствии со статьей 75 УПК РФ, что исключает правовой нигилизм и гарантирует соблюдение прав участников уголовного судопроизводства после ликвидации последствий чрезвычайной ситуации. Для понимания ценности этого двухфазного механизма необходимо признать, что ординарные досудебные проверочные стадии в условиях ЧС породили бы катастрофический бумажный хаос. «Необходимость принятия ежегодно 8-9 млн (с повторными) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела обусловила непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции по их вынесению и тысяч прокуроров по их отмене, а также способствовала за последнее время значительному сокращению количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн в 2006 г. до 895,6 млн преступлений в 2023 г.) и тем самым - существенному (на 49,8%) снижению эффективности деятельности в первую очередь органов внутренних дел и других правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [8, с. 33]. Приведенные статистические данные

наглядно доказывают, что перенос бремени верификации на посткризисный период позволяет избавить правоохранительную систему от бессмысленного бюрократизма в тот момент, когда каждая минута должна быть потрачена на фиксацию реальных улик. Чрезвычайно-процессуальное законодательство должно быть гибким инструментом, чутко реагирующим на материальные условия среды. «Законодательство в сфере борьбы с преступностью в целом и его уголовно-правовая и уголовно-процессуальная составляющие являются динамическими явлениями реальной действительности. Эффективность функционирования данной отрасли права зависит не только и не столько от качества сформулированных в них правовых норм, регулирующих общественные отношения, сколько от реальных потребностей в их существовании, их реализация правоохранительными органами с учетом складывающихся социальных, экономических и правовых факторов» [9, с. 276]. В контексте нашей концепции это означает, что реальные потребности защиты общества в условиях ЧС полностью оправдывают временное разделение процессуальной формы на оперативную и проверочную фазы. При этом жесткие стандарты доказывания не снижаются, а переносятся во вторую фазу, защищая процесс от проникновения недостоверной информации. «Если в любой иной сфере деятельности в обоснование вывода могут быть положены любые истинные сведения (аргументы), то в сфере судопроизводства в качестве аргументов могут выступать исключительно доказательства, полученные в установленном законом порядке, проверенные и оцененные как достоверные. В этом заключается основное отличие используемых в качестве аргументов для доказывания сведений (доказательств) в доказательственном праве» [10, с. 125]. Данное требование является стержневым: отложенная верификация — это не придание юридической силы дефектным сведениям, а особый способ обеспечения надлежащего процессуального качества доказательств.

«Процессуальный иммунитет гуманитарных миссий»: запрет на вмешательство в работу спасателей

Важнейшим элементом архитектуры проектируемого ЧПК РФ, обеспечивающим беспрепятственное функционирование аварийно-спасательных служб и иных субъектов ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, выступает «процессуальный иммунитет гуманитарных миссий». Данный правовой конструкт устанавливает императивный запрет на любое процессуальное вмешательство в деятельность лиц, задействованных в

спасательных работах, на протяжении всего периода действия экстраординарного режима. Содержание указанного иммунитета носит характер объективной правовой необходимости и включает в себя не только запрет на отвлечение спасательного персонала для производства вербальных процессуальных действий (опросов, объяснений), но и консервацию материально-технической базы миссии — абсолютное табу на изъятие спасательной техники, средств связи, специального оборудования и оперативной документации до полного завершения спасательной фазы. Предоставление столь широких преференций силам МЧС России обусловлено тем, что их бесперебойная работа напрямую связана с обеспечением фундаментальных интересов государства по выживанию населения. «Определяющим фактором для применения специальной процедуры привлечения к ответственности служит исполнение обязанностей, сопряженных с обеспечением государственных интересов Российской Федерации» [11, с. 175]. Из этого следует, что должностные лица спасательных служб выполняют особую публичную функцию, приоритет которой в момент катастрофы выше ординарных следственных задач. Мы подчеркиваем, что данный иммунитет не является искусственным или необоснованным юридическим исключением из общего принципа равенства всех перед законом. «Дифференцированное отношение не подразумевает создание привилегий ради привилегий, а выступает как мера, направленная на оптимизацию правоприменительной деятельности и повышение эффективности судебной системы, причем такая практика обосновывается не только в национальных, но и в международных правовых рамках» [12, с. 68]. Указанный подход защищает спасателей от избыточного давления, не нарушая фундаментальных основ справедливости, а лишь временно оптимизируя правовое поле ради спасения жизней. Временные границы действия процессуального иммунитета жестко привязаны к институту прокурорского санкционирования особых правовых режимов: указанный режим неприкосновенности вступает в силу с момента верификации прокурором субъекта Российской Федерации приказа о введении режима ЧС и прекращает свое действие исключительно после аналогичного подтверждения прокурором приказа о ликвидации (прекращении) указанного режима. Единственным нормативно закрепленным основанием для досрочного и точечного снятия иммунитета является ситуация очевидного совершения преступления деятелями гуманитарной миссии, а именно — их задержание

непосредственно в момент совершения общественно опасного деяния или при попытке умышленного уничтожения криминалистически значимых улик, подтвержденное присутствующими должностными лицами прокуратуры либо очевидцами. Нарушение предписаний о процессуальном иммунитете влечет за собой жесткие дуалистические последствия правового и деликтного характера. Во-первых, любые фактические данные и материалы, полученные в обход и во время действия данного запрета, признаются недопустимыми в силу прямого указания закона, что полностью нивелирует их юридическую ценность для будущего уголовного дела. Во-вторых, должностное лицо, допустившее неправомерное вмешательство в работу гуманитарной миссии, подлежит привлечению к ответственности, дифференцируемой в зависимости от субъективной стороны деяния: от строгой дисциплинарной ответственности при добросовестном заблуждении или процессуальной ошибке до уголовного преследования при наличии прямого или косвенного умысла на дезорганизацию спасательных работ. Таким образом, институт гуманитарного иммунитета выступает нормативным барьером, защищающим приоритет спасения человеческих жизней от избыточных процессуальных обременений и исключающим необходимость присутствия в зоне ЧС органов дознания, следствия и суда.

Временные параметры и процессуальные сроки стадии верификации в рамках ЧПК РФ

Важнейшим условием соблюдения принципа законности при реализации института отложенной верификации является установление жестких, законодательно ограниченных сроков, по истечении которых любые поисково-фиксационные материалы, полученные в экстраординарных условиях, утрачивают свой юридический потенциал. Дифференциация временных интервалов в проектируемом ЧПК РФ привязана к моменту фактического устранения пространственно-временных ограничений зоны бедствия. Точкой отсчета для начала исчисления срока верификации собранных материалов и процессуальных действий работников прокуратуры выступает момент их фактического вывоза из зоны чрезвычайной ситуации в безопасную зону. Общий пресекательный срок для осуществления полной проверки и правовой оценки материалов составляет 10 суток со дня официального окончания режима ЧС. Учитывая масштабы катастрофы и объем собранного массива данных, данный срок может быть однократно пролонгирован до 30 суток исключительно по мотивированному решению прокурора субъекта Российской Федерации, что в

полной мере отвечает принципу процессуальной экономии. Особый порядок исчисления сроков предусмотрен для ситуаций, сопряженных с ограничением личной свободы граждан. В случае принудительной эвакуации задержанного лица за пределы зоны бедствия, совокупный экстраординарный срок его содержания под стражей без судебного санкционирования не может превышать 120 часов. При этом экспресс-верификация материалов для обеспечения судебного контроля носит неотложный характер: судебное заседание по вопросу применения меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть инициировано, проведено, и итоговое процессуальное решение должно быть вынесено строго в течение 8 часов после истечения, указанного 120-часового интервала. Введение подобных временных рамок отложенного контроля требует глубокого научного осмысления, поскольку любое сужение прав личности на первоначальном этапе должно компенсироваться высочайшим качеством последующей проверки и предоставлением четких гарантий. «Введение допроса на стадии возбуждения уголовного дела может стать эффективным инструментом для повышения качества доказательственной базы и обеспечения законности принимаемых решений. Однако такая мера требует глубокого научного осмысления, в том числе с точки зрения обеспечения процессуальных гарантий для участников процесса, таких как: право на квалифицированную юридическую помощь, включая право на защиту, и предупреждение об ответственности за сообщение заведомо ложных сведений. Указанное в результате позволит обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс» [13, с. 194]. Мы полагаем, что в рамках ЧПК РФ данный баланс достигается именно за счет того, что полноценный допрос с участием защитника и предупреждением об ответственности переносится во вторую фазу, жестко ограниченную пресекательными сроками, что исключает риск злоупотреблений. Отсутствие автоматических систем защиты прав граждан в ординарном процессе часто ведет к ущемлению их интересов, что недопустимо в посткризисный период. «Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями

не наделены» [14, с. 8]. ЧПК РФ нивелирует эту проблему: по истечении пресекательного срока аннулирование недоказанных материалов происходит автоматически, обязывая прокурора незамедлительно освободить лицо. Пропуск установленных законом сроков верификации или судебного контроля влечет за собой императивные и необратимые правовые последствия аннулирующего характера. В силу прямого запрета на нарушение процессуальных сроков, напрямую влияющих на баланс защиты прав и свобод граждан, любые фактические данные, не прошедшие процедуру прокурорского и экспертного подтверждения в детерминированные временные рамки, автоматически признаются недопустимыми доказательствами. Соответственно, уголовное преследование в отношении задержанных лиц подлежит незамедлительному прекращению ввиду отсутствия легитимной доказательственной базы, что исключает злоупотребление правом со стороны государства и выступает гарантией против необоснованного ограничения прав личности в постэкстраординарный период.

Юридический механизм защиты участников ликвидации чрезвычайных ситуаций от уголовной ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)

Специфика функционирования сил ликвидации чрезвычайных ситуаций в экстраординарных условиях неразрывно связана с концепцией «золотого часа» — критического, жестко ограниченного временного интервала, в течение которого проведение аварийно-спасательных мероприятий минимизирует летальность среди пострадавших. В правовой доктрине давно признано, что стандартные алгоритмы правоприменения не могут эффективно функционировать в условиях кризиса. «Крайне актуальным и востребованным, прежде всего, со стороны практических работников правоохранительных органов на современном этапе представляется вопрос расследования преступлений в различных нестандартных, кризисных условиях, что обусловливается не только общеизвестными событиями последних лет, оказавшими существенное влияние на жизнь общества и государства, но и различными негативными событиями, происходящими, к сожалению, на систематической основе (природные пожары, наводнения, землетрясения, масштабные техногенные катастрофы и другие)» [15, с. 112]. Именно эта нестандартная обстановка требует создания превентивного защитного щита для сотрудников МЧС и силовых ведомств. Необходимость принятия мгновенных, ситуативно обусловленных решений в условиях экстремального дефицита

времени и перманентного стресса вступает в объективное противоречие с формализованными границами должностных полномочий. В связи с этим проектируемый ЧПК РФ закладывает превентивный юридический механизм, исключающий необоснованное уголовное преследование сотрудников спасательных и силовых ведомств по статье 286 УК РФ. Главным материально-правовым постулатом данного механизма выступает правило автоматического признания любых действий, совершенных в строгом соответствии с регламентом ЧПК РФ, обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Если на кону находились жизнь и здоровье человека, выбранный сотрудником вариант спасения, признанный специалистами наиболее подходящим в конкретной обстановке, признается априори правомерным, даже если он повлек за собой существенное изменение картины происшествия, уничтожение поисково-фиксационных материалов или причинение материального вреда. Процессуальным гарантом легитимности таких решений выступает институт сопереживания рисков со стороны органов прокуратуры. Работники прокуратуры, непосредственно присутствующие в эпицентре чрезвычайной ситуации и в составе оперативного штаба, осуществляют сквозной надзор за ходом ликвидации последствий и в режиме реального времени верифицируют законность экстренных мер. Подобная модель означает фактическое разделение ответственности за принятые оперативно-тактические решения между спасательными службами и надзорным органом, что блокирует возможность последующего одностороннего обвинения должностных лиц. Несмотря на то, что в доктринальном плане невозможно полностью исключить наличие преступного умысла априори, экстраординарный режим ЧПК РФ устанавливает приоритет предотвращения вреда над бюрократическим формализмом. Процессуальная волокита, способная повлечь за собой гибель граждан, необратимый подрыв здоровья или масштабный имущественный ущерб (угрожающий безопасности государства и жизнедеятельности населения), признается общественно более опасной, нежели вынужденное отступление от ординарных административных предписаний. Таким образом, баланс между уголовно-правовым запретом превышения полномочий и необходимость оперативного реагирования в «золотой час» разрешается в пользу безусловной защиты жизни человека, обеспечивая спасателям надежный правовой щит от субъективных обвинений со стороны следственных органов в посткризисный период.

Заключение

Проведенное авторами исследование позволяет констатировать, что разработка концептуальных основ Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации — это не изолированный научно-теоретический эксперимент, а продолжение масштабной, системной работы по модернизации отечественного уголовно-процессуального права в эпоху глобальных вызовов. Предложенная модель, основанная на разделении процессуального цикла на оперативную и оценочную фазы, нормативном закреплении «процессуального иммунитета гуманитарных миссий» и оптимизации сроков задержания, наглядно доказывает свою жизнеспособность и теоретическую сбалансированность. Жесткая реализация принципа процессуальной экономии в сочетании с институтом отложенной верификации доказательств способна эффективно защитить права граждан и обеспечить правовую безопасность сотрудников МЧС России и прокуратуры, не нарушая при этом фундаментальный принцип законности. Настоящая публикация развивает и дополняет положения ранее опубликованных трудов в рамках данного научного направления. Авторы отдают себе отчет в том, что масштаб решаемой проблемы требует консолидации усилий широкого круга специалистов в области уголовного процесса, криминалистики, теории государства и права, а также представителей смежных отраслей знания. В связи с этим мы открыто обращаемся к российскому научному сообществу — ведущим ученым, процессуалистам, представителям академических институтов и ведомственных вузов — с призывом принять активное участие в дальнейшей теоретической разработке и детальном обсуждении доктрины чрезвычайного процессуального законодательства. Только через широкую научную дискуссию, сопряженную с глубоким анализом правоприменительной практики, возможно сформировать безупречный и надежный правовой щит, способный защитить высшие ценности нашего государства и общества в экстраординарные периоды его истории.

Список литературы:

- [1] Купряшин В.С. Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2026. №2. С. 133-142.
- [2] Смолин А.Ю. Несовершенство «человека процессуального» как предпосылка совершенствования технологии уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2026. № 1 (77). С. 85-92.

[3] Боярская А.В. Особенности нормативной регламентации упрощённых уголовно-процессуальных процедур (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21, № 1. С. 86-95.

[4] Чекулаев Д.П. Подсудность в условиях военного положения или иного особого правового режима: от истории к современности // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 4. С. 321-356.

[5] Долгополов А.А., Ильяшенко А.Н., Белоконов А.В. Об уголовно-правовых режимах реализации функций уголовного права // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). - С. 117-124.

[6] Маркелов А.Г. Соблюдение законности при применении технологии уголовно-процессуального компромисса // Вестник ННГУ. 2024. №3. С. 134-139.

[7] Петухова Ж.П. Приостановление предварительного следствия в условиях пандемии // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 52, № 4 (72). С. 129-134.

[8] Гаврилов Б.Я. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 29-37.

[9] Гаврилов Б.Я. К вопросу о некоторых проблемах совершенствования уголовной политики: мнение ученого и позиция правоприменителя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. №1 (65). С. 276-284.

[10] Корнакова С.В. Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ. Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 120-130.

[11] Хлызов И.С. Особый статус отдельных категорий лиц в уголовном судопроизводстве в контексте соблюдения принципа равенства: анализ и критика // Теория и практика общественного развития. 2025. № 3. С. 174-180.

[12] Богаткина Р.Ш. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 2 (60). С. 64 - 70.

[13] Шин А.К. Стадия возбуждения уголовного дела: поиск баланса между процессуальной формой и доказательственной ценностью объяснений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 190-194.

[14] Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай

неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 1-16.

[15] Михайлов П.И. Нестандартная обстановка как фактор, предопределяющий особый порядок производства по уголовным делам // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 111-116.

References:

[1] Kupryashin V.S. The concept of the Extremely Procedural Code of the Russian Federation as an instrument for systematizing legislation in the field of ensuring national security//Education and law. 2026. №2. S. 133-142.

[2] Smolin A.Yu. Imperfection of the "procedural man" as a prerequisite for improving the technology of criminal proceedings//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (77). S. 85-92.

[3] Boyarskaya A.V. Features of the regulatory regulation of simplified criminal procedure procedures (posing a problem)//Bulletin of Omsk University. "Right" series. 2024. VOL. 21, NO. 1. S. 86-95.

[4] Chekulaev D.P. Jurisdiction under martial law or other special legal regime: from history to modernity//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2025. Т. 20. № 4. С. 321-356.

[5] Dolgoplov A.A., Ilyashenko A.N., Belokon A.V. On criminal law regimes for the implementation of the functions of criminal law//Philosophy of law: scientific and theoretical. journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). - S. 117-124.

[6] Markelov A.G. Compliance with the law when using the technology of criminal procedure compromise//Bulletin of the NSU. 2024. №3. S. 134-139.

[7] Petukhova J.P. Suspension of the preliminary investigation in a pandemic//Legal Bulletin of DSU. 2024. Т. 52, NO. 4 (72). S. 129-134.

[8] Gavrilov B.Ya. On the current state of criminal procedure legislation and its role in improving the effectiveness of individual institutions of criminal proceedings//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (68). S. 29-37.

[9] Gavrilov B.Ya. On the question of some problems of improving criminal policy: the opinion of the scientist and the position of the law enforcement officer//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №1 (65). S. 276-284.

[10] Kornakova S.V. Problems of legislative consolidation of the obligation to prove and presumption of innocence in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Lex russica.

2025. Т. 78. № 3. С. 120-130.

[11] Khlyzov I.S. Special status of certain categories of persons in criminal proceedings in the context of compliance with the principle of equality: analysis and criticism//Theory and practice of social development. 2025. № 3. С. 174-180.

[12] Bogatkina R.Sh. Peculiarities of initiating a criminal case against certain categories of persons// Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Т. 16. № 2 (60). С. 64-70.

[13] AK Shin. The stage of initiating a criminal case: finding a balance between the procedural form

and the evidentiary value of explanations//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Т. 31, NO. 2 (97). С. 190-194.

[14] Bormotova L.V. The reasonableness of the terms of criminal proceedings is a special case of unjustified legal convergence that violates the historical structure//Legal research. 2024. № 9. С. 1-16.

[15] Mikhailov P.I. Non-standard situation as a factor that predetermines a special procedure for criminal proceedings//Eurasian Bar. 2026. № 1 (78). С. 111-116.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru